

Все сказанное позволяет сравнивать в типологическом плане абхазско-адыгские языки с языками северно-американских индейцев [8, 9]. Основным признаком при сравнении будем считать деление глаголов, понимая под глаголом и спрягаемое имя, на статические и динамические. Другие особенности языков (так называемого) активного строя будут выявлены в процессе исследования.

При исследовании как атапаскских, так и других северно-, центрально- и южно-американских индейских языков, даже несмотря на скудные (при обилии научной литературы) и далеко не всегда точные описания, в глаза бросаются две характерные для них черты: наличие категории принадлежности, соответствующей притяжательным местоимениям индоевропейских языков, и явления полисинтетизма в морфологическом строе (может быть, точнее — преобладание в предложении глагольного над именным) [10, 11]. Формы принадлежности являются также характерной чертой и других языковых семей: финно-угорской, тюркской, тунгусо-маньчжурской, семито-хамитской.

Даже на примере атапаскских языков прослеживаются тенденции в изменении морфологической структуры языка: 1) ослабление оппозиции «статические-динамические глаголы» и, следовательно, постепенный переход статических глаголов в разряд существительных и прилагательных; 2) отражение в структуре глагола сложных субъектно-объектных отношений. По всей вероятности, становление основных категорий имени и глагола начинается с первой тенденции: уменьшение глагольных свойств (предикативности) имени вызывает усложнение структуры глагола. Но основой для усложнения структуры предложения является вторая тенденция; лишь с развитием субъектно-объектных отношений происходит усложнение структуры именных частей речи: появляются морфологические категории падежа, числа, одушевленности-неодушевленности (значительно позже — рода) у имени существительного; атрибутивная характеристика обособляется от глагола и переходит к существительному, что дает начало становлению имени прилагательного как части речи.

Языку хупа [12], вероятно, более других атапаскских языков присущи глагольные черты. Статические глаголы, к числу которых мы относим и качественные глаголы, соответствующие по семантике индоевропейским прилагательным, лишь в незначительной степени отличаются парадигмой спряжения от динамических глаголов, изменяясь по временам и частично наклонениям, имеют формы императива: *nūwdas*, *nindas*, *tsindas* 'я тяжел', 'ты тяжел', 'он тяжел' и т. п. Показатели времени иногда присоединяются и к наречиям *haiyate* 'здесь будет место' (-*te* — показатель отдаленного будущего времени). Тому, что в индоевропейских языках выражается словами *красный*, *черный*, *высокий*, в индейских языках с преимущественно глагольным характером предложения соответствуют глаголы *быть красным*, *быть черным*, *быть высоким*. Ср. также арабск. *maḡīfa* и *kāna maḡīfan* 'быть больным' в первом случае качественный глагол, во втором случае — глагол *быть* + прилагательное *maḡīfan* в винит. падеже.

Глагол языка хупа располагает большим числом времен и наклонений; в языке много превербов, указывающих место и направление, и локативных суффиксов, выполняющих функции отсутствующих в языке падежей. Активные и пассивные глаголы в 3-м лице выступают в качестве существительных. Показатели лица в глаголе и префиксы, выражающие принадлежность, родственны независимым местоимениям. Подчинительные связи также выражаются формой глагола, к которому присоединяются суффиксы, выполняющие функцию подчинительных союзов языков аналитического типа.

Грамматическая структура языка навахо [13] в целом сходна со структурой языка хупа, хотя он сохраняет сравнительно с хупа ряд архаических черт и имеет инновации. Навахо образует имперфект, перфект и оп-